

Брянская областная
библиотека

научная универсальная
им. Ф.И. Тютчева

Информационно-библиографический отдел

К 65-летию со дня рождения поэта

Николай Иванович Поснов

ДАЙДЖЕСТ

Брянск, 2010.

ББК 91.9: 83.3 (2=Рус)6

П 62

Составители: Н.И. Кожанова, С.Ю. Морозова

Редактор : Н.И. Кожанова

Ответственный за выпуск: Г.И. Кукатова

П 62 **Николай Иванович Поснов** : К 65-летию со дня рождения поэта:
Дайджест / Брянская областная научная универсальная библиотека
им.Ф.И. Тютчева; информационно - библиографический отдел. –
Брянск, 2010. – 24 с.

© Брянская областная научная универсальная библиотека
им.Ф.И.Тютчева, 2010.

Я принимаю жизнь как есть,
Со всеми «да» и «нет».
Прошел сквозь честь,
Прошел сквозь лесть,
Сквозь славу и навет.
Но лишь одно я вынести мог,
Не мудрствуя хитро,
Что если есть на свете Бог,
То этот Бог — Добро.

Н.И.Поснов

С природою чувствуя связь...

Перед тем как написать это небольшое вступление к первой книге поэта, я, давно зная Николая Поснова по отдельным публикациям в газетах и журналах, принялся выбирать из положенных на стол рукописных листков наиболее приглянувшиеся произведения, отмечая на полях яркие строчки,— удачное начало или впечатляющую концовку. Дочитав до середины рукописи, вдруг понял: здесь, что ни стихотворение, то хоть малая, да находка.

Находки, как известно, бывают лишь у того, кто ищет, кто стремится к открытиям. Пришлось мне дочитывать рукопись уже без карандаша в руке, превратившись из критика в обыкновенного читателя. Меня всегда радует только та книга, над которой забываю о своем литературном ремесле, иду на голос,

поданный мне автором, иду на некий чарующий зов, приглашение в страну прекрасного.

Николай Поснов — лирик чистый, тонкий. Строки стихов у него прозрачны, как лесной родник-бегунок. Излюбленное начало многих его произведений — деревенский пейзаж с открытым или притаенным образом человека, всегда присутствующим где-то поблизости.

Молчат дворы,
Звезда горит неярко,
И хаты в окруженье тополей
Засыпают тихо, как крестьянки,
Под вечер пришедшие с полей.

Такое сравнение непритязательных на внешний блеск сельских тружениц с их неказистыми после войны избами может прийти в голову лишь человеку, выросшему в деревенском кругу. Добавим: человеку наблюдательному, умеющему разглядеть красоту и одухотворенность в привычном, примелькавшемся, докучливом подчас.

В строках Н. Поснова много грусти. В яркие его акварели, будто музыкальное сопровождение, пробивается печаль от потерь, которые неизбежно несет человек в безоглядном рвении поскорее достичь желаемого, приблизить кажущийся лучшим завтрашний день. Но печаль поэта не испорчена воплями истерии, пенистой слезой надрыва. Не чужда ему ирония над самим собой, чудинка, смешинка, а то и широкая улыбка от щедрости душевной. С месяцем он встречается как с давнишним сельским знакомым:

С печной трубы босые ноги свесив,
В полночной невесомой тишине
Сидел беспечно белолобый месяц,
Как пастушок на обгорелом пне.

Нельзя не согласиться с мыслью Николая Поснова о двуедином понятии: человек и природа. Эту взаимосвязь автор сборника своеобразно подчеркивает в стихотворении «В высь устремленные деревья» заключительными строками: «Не мы природу охраняем — она и лечит, и хранит».

В начале предисловия пришлось употребить слово «открытия». В разговоре о поэте молодом такие слова весьма ответственны. Попытаюсь подтвердить. Однажды в перерыве между нашими литературными спорами на семинаре автор этого сборника чисто житейски, доверительно пожаловался на какое-то неясное для него состояние: вот, мол, ходил опять на побывку к матери за Хотынец, узнал, что отцовский дом продается, стареющая мать перебирается на жительство в город, к сестре. Уходит с глаз что-то привычное, родное, чему и цены нет...

— А ты напиши об этом! — тут же подсказали ему. Это, конечно, не был социальный заказ. Каждый по-своему задумывается над тем непростым явлением в современной деревне, как исчезновение родных домишек в селах, а то и деревни целиком. Родительский дом, разумеется, пошел с молотка. Теперь он живет в шестнадцати строках стихотворения «Предчувствие». Попробуй, скажи, что они дались автору запросто. В горячих еще от трепетного прикосновения пера, неотстоявшихся строчках этого стихотворения легко обнаружить шероховатость, торопливость речи. Но здесь важно другое: новь сегодняшняя, свежесть жизненных ветров, непривычное даже для стойкого к переменам деревенского человека — не вдруг перенесенное на бумагу чувство, отлитое в строку.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В деревню приеду домой,
Наездившись вдоволь по свету,
И вздрогну от боли: бог мой!
Ни дома, ни садика нету.

Да так и случится как раз,
О том и толкуют соседи,—
Мать все за бесценок продаст
И к дочери в город уедет.

И дом, что с покойным отцом
Мы в лапу навечно срубили,
И сад-палисад за крыльцом —
Все в прошлом, как милые были,

Как сон золотой, как звезда,
Которая в детстве сверкнула.
И вот нас потянет туда,
Откуда сюда притянуло.

Какой парадокс? что за жизнь?
Судьба совершает описки.
Родное все — станет чужим,
Чужое — окажется близким.

Искушенному читателю не случайно «почудятся» в стихах Николая Поснова отголоски речи Сергея Есенина, Николая Рубцова. Худо это или хорошо? Скорее всего — терпимо. Учеба у признанных мастеров никогда не считалась на Руси делом зазорным. Лишь бы эта учеба не вошла в привычку и не помешала становлению собственного голоса. Хочется верить, что такое наваждение обойдет Николая Поснова стороной. Ходить на «своих двоих» его уже обучила глубинная родная сторона. О себе самом, о своем небогатом пока литературном добытке автор сборника вполне может сказать строчками из стихотворения:

...Жил человек в человеке,
С природою чувствуя связь.

// Поснов, Н. Предчувствие : Стихи / Н. Поснов. —
Тула : Приок. кн. изд – во, 1980. — С.3 – 6.

«Надеждой и верой жив человек»

Завершая книгу «Брянщина. Век XX», Николай Поснов оставил нам такие строки: «Будут новые люди и новые песни, новые храмы и сады, села и улицы, дымок над трубой...» И так хочется верить, что новый век будет более добрым, более справедливым и что всепожирающий огненный смерч войны не возникнет над земным шаром, даже над любой маленькой страной, — везде живут люди, рожденные для радости и любви.

И, надеемся, новый век будет веком разума, и человечество поймет старую и непреложную истину — строить лучше, нежели разрушать.

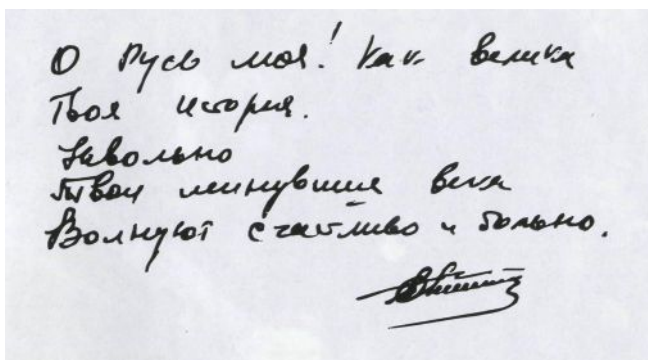
Каких высот достиг человек в минувшем столетии! А каких вершин он может достичь в новом — можно только догадываться. Так неужели он может при этом выкинуть из сердца любовь к матери-Родине, родным лесам, полям и рекам, ко всему сущему на земле, забыть то, что движет миром?

Надеждой и верой жив человек на нашей прекрасной земле. Так пусть они не оставят его в новом времени...»

Куняев С.

«Все пройдет — а Россия останется...»

Помню свое первое посещение брянской земли. Началось со звонка из Брянска. Позвонил мне поэт Николай Поснов и пригласил на тютчевский юбилей. Было это, если не ошибаюсь, в 1983 году. С той поры я стал частым гостем земли, пограничной с моей родной Калужской областью.

Сказочный тютчевский Овстуг, обрывистые берега Десны, стены Свенского монастыря, литературные праздники в Красном Роге с настоящими народными гуляньями — все это влекло к себе, питало душу, насыщало ее русской историей.

А тут еще мой покойный друг Вадим Кожин написал изумительную

книгу о Федоре Тютчеве и тем самым приковал внимание читателей целого поколения к тютчевской судьбе.

Чуть позже стал бывать на Брянщине почти каждый год. И каждый раз встречи с Николаем Посновым были радостными и сердечными. И все же, все же пишу я это предисловие с чувством горечи.

Знаменитые и покаянные слова Пушкина о нас, русских, что мы «ленивы и нелюбопытны», к сожалению, справедливы. Глеб Горбовский после смерти Николая Рубцова с печалью сказал: «Мы его в Питере проглядели»...

Вот и сейчас читаю стихи покойного Николая Поснова, присланные мне вдовой Тamarой Ивановной, и думаю: «Неужели и Поснова проглядели?»

Конечно, мы в Москве его знали, Конечно, читали, конечно, иногда печатали — но полностью не оценили, не поняли, не дочитали...

Слишком много у нас талантливых людей в России, потому, наверное, мы не торопимся признать их, отдать им должное, восхититься и порадоваться каждому из них при жизни...

Вспоминаю еще молодого Николая Поснова, с которым мы брели в Овстуге по аллее в тот год, когда я стал лауреатом Тютчевской премии. Его волосы развевались на ветру, шуршащем в золотой листве, да и сам он взвихренными волосами, тонкими чертами лица, целеустремленным, серьезным, почти суровым взглядом, плотно сжатым ртом был похож на своего знаменитого земляка, изображенного на одном из прижизненных даггерротипов.

Листаю рукопись Николая Поснова. Задумываюсь, перечитываю. Три главные серьезные темы живут в ней. Природа. Любовь. Россия. И это — тоже тютчевские линии судьбы.

Белый песчаный берег,
Сизая в глуби вода.
Облако в розовых перьях
Долго плывет в никуда.

Трав луговое безумство
В синем свечении дня...
Снова щемящее чувство
Тайно объяло меня.

Тютчевская одухотворенная созерцательность светится в этой книге на многих страницах. «Лишь ночью в оконные рамы дохнет осторожный мороз», «Последние вспышки тепла», «Умытый мир! Как свет высок, стоуст!»

Николай Рубцов все стихи делил на «лирические» и «нелирические», которые, естественно, не любил. Его брянский тезка за редчайшим исключением писал стихи «лирические».

Когда-нибудь, знаю наверно,
Душою волнуясь до слез,
В мою ты приедешь деревню,
В которой я некогда рос.

И где молодым и веселым
Еще вспоминают меня
Старинные липы и клены
В тяжелой листве у плетня.

Ты молча постой у калитки,
Взглядишь в хороводы светил,
Пройди по росистой тропинке,
Которой я в детстве бродил.

Смирясь с судьбой своей женской,
Припомнив былые года,
Возьми горсть земли деревенской,
Которой я стану тогда.

Это — о любви. Но уже не по-тютчевски, а по-своему. Мягче, стеснительнее, душевнее...

А третья его страсть после любви и природы — Россия, в основном деревенская, оживает в стихах Николая, словно по волшебному слову, словно живой водой сбрызнутая... А в ней, в этой России, все: война, история и сегодняшняя боль разрухи, на которую откликнулся сердцем поэт.

Муза его не чужда исторической памяти и гражданской, народной печали:

В оградочке зеленой,
где травы шелестят,
коленопреклоненный
с винтовкою солдат.

Как будто с болью тайной и днем и по ночам фамилии читает своих односельчан.
Глядит из жесткой глины на ряд холодных плит, где жаркая рябина живым огнем горит.

Эти стихи — память о народной судьбе, о наших жертвах, о Великой Победе.

А вот другие — написанные в роковое время «перестройки», когда от слова «свобода» кружились головы, словно от Дурного хмеля.

О дайте, дайте... не свободу — веру!
Как жаждущий, как страждущий молю.

Свобода — что?
Она подобна ветру.
А вера — словно парус кораблю.
О дайте веру, что жила в атаке
за коммунизм —
взять штурмом Перекоп,
за Сталина —
под вражеские танки
швырнуть себя, как в молотилку сноп.
И это — тоже очень по-советски, по-русски...

В книге много посвящений своим брянским друзьям: покойному поэту Анатолию Дрожжину, на могиле которого мы стояли с Николаем и выпивали, поминая нашего друга-правдоискателя. Есть посвящения истинному поэту Геннадию Фролову, прозаику, увы, тоже покойному, Николаю Родичеву... Одно из стихотворений посвящено мне. Не печаталось, и я лишь сейчас прочитал его.

Хороши исторические поэмы — глубокие, правдивые, по-своему загадочные. И не удивительно, что он был отмечен за них Международной премией имени Константина Симонова.

Странички прозы очаровали меня чистым языком, точным взглядом, какой-то разлитой между строк теплой эпической душевностью.

«Зимой деревишку заносило снегом до крыши. Перекаты огромными сугробами переваливали улицы. Только обочь восточного края (ветры, как правило, с запада, от Алисова) перед самыми дворами, расположенными со стороны, где стояла наша хата, пробивалась стежка, ведущая к колодцу...» Вот такую прозу я хотел бы читать.

Незадолго до смерти поэт так попрощался с нами:

Что, душа моя, вечная странница,
Тяжко в стужу звенеть соловьем?
Всё пройдет... А Россия останется.
Ради этого мы и живем.

Ради этого жил на милой своей Брянщине Коля Поснов.

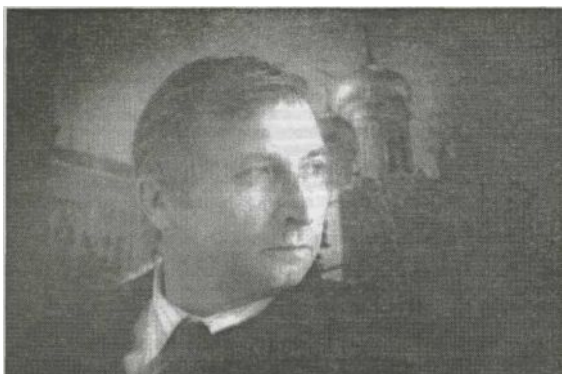
// Поснов, Н.И. Прости – прощай !.. : избранное / Н.И. Поснов. – Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2005. – С.4 – 8.

Мне всё и родимо и близко

Поснов

Николай Иванович

(10 января 1946—30 мая 2005)

Я принимаю жизнь как есть,
Со всеми «да» и «нет».
Прошел сквозь честь,
Прошел сквозь лесть,
Сквозь славу и навет.
Но лишь одно я вынести мог,
Не мудрствуя хитро,
Что если есть на свете Бог,
То этот Бог — Добро.

Малая родина со столь поэтичным названием Изморознь, что была в Хотынецком районе на Орловщине, где некогда любил охотиться И. С. Тургенев, накрепко привязала к себе сына своего, подпитывая его живительной силой. «Сельское во мне — детское, как сердцевина в стволе дерева», — как-то признался Николай.

«Н. Поснов - лирик чистый, тонкий. Строки стихов у него прозрачны, как лесной родник-бегунок. Излюбленное начало многих произведений - деревенский пейзаж с открытым или притаенным образом человека, — писал в предисловии к первой книге поэта Николай Родичев.

«У стихов Николая есть завидное свойство: даже неопубликованные, они уже живут самостоятельной жизнью», — тонко подметил Юрий Фатнев, дав ему рекомендацию в Союз писателей СССР (1985 г.).

Стихи Николая переписывали от руки, читали и перечитывают. И каждый раз по-иному, глубже постигая мир чувств и дум поэта. Из его произведений сложно выхватывать строчки, так как слова все подогнаны, словно кирпичики в кладке. Вынь одно - все рассыплется, или не вызвенится радость, не загрузит задумчивость, не засквозит светлая печаль. В стихах поэта нет излишеств.

У него «гудел, как пасака, покос»,
«И возвышались веселья полные стога».
«И спит деревня милая устало,
Как крестьянка, в тишину упав»...

«Такие сравнения могут прийти в голову человеку наблюдательному, умеющему рассмотреть красоту и одухотворенность в привычном, примелькавшемся, докучливом подчас», — отмечает очередную особенность творчества поэта Н. Родичев.

Когда-то Н. В. Гоголь сказал, что «чем предмет обыкновеннее, тем выше надо быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина». Н. Поснову удалось максимально приблизиться к истине. В

его лирике переливается сама жизнь со всеми ее «да» и «нет».

На заре юности осознать избранный путь ему помогла орловская земля, богатая литературными именами, традициями, сохранившая особенность и красоту русского языка. Стихи появились в газетах, когда в 1964-м он стал студентом Орловского машиностроительного техникума.

Потом служба в армии. Так вышло, что попал в Карачев, почти на родину. Общие тетради солдата заполняются строчками, написанными мелким почерком и обязательно черными чернилами. На бумагу выплескиваются глубокие чувства любви и печали.

После службы работает в районной газете «Заря». Его очерки по сию пору хранятся в семьях карачевцев.

Одновременно учится в Литературном институте в семинаре Валерия Дементьева.

— Я все больше убеждаюсь, что Вы способны дорабатывать стихи, отшлифовывать строки... Из новых стихов мне весьма интересным показался «Утренний снег». Здесь развернутый образ — «снег мягкий, доверительный, отрадней», — выражает Ваше собственное мироощущение и даже Ваш характер, а это и есть уже лирическая поэзия. Вы сказали по-своему и опять-таки с лирической дерзостью: «Дым над трубой, будто держит небо, усеянное золотом веснушек, — пишет в рецензии к дипломной работе В. Дементьев.

В 1976-м Н. Поснов взяли на телевидение в Брянск. Его передачи всегда были самобытны, интересны по содержанию и по форме. Затем он возглавил Брянское отделение Приокского книжного издательства. Фотоальбом «В Брянском лесу тишина» удостоен серебряной медали ВДНХ; книга «При дворе двух императоров» А.Ф.Тютчевой Госкомиздатом отмечена как лучшая книга года...

Десять лет Н. Поснов был председателем Брянского отделения Союза писателей.

В 1966 году по его инициативе получила прописку Всероссийская литературная премия имени Ф. Тютчева. На поэтические праздники приглашались литераторы, известные не только в стране, но и за рубежом. Со многими из них он был в прекрасных отношениях. Н. Поснов создал издательство «Дебрянск», которое выпускало классическую и просветительскую литературу. Им была подготовлена юбилейная книга П. Проскурина «Зов вершины».

Николай - автор нескольких поэтических сборников: «Предчувствие», «И слышу голоса», «Синие холмы», «Червлёный щит», «О любви и о печали»...

Последняя его крупная работа — создание историко-художественного альбома «Брянщина, век XX», вышедшего в 2003 году. Работал вместе с художником Анатолием Зуенко.

Н. Поснов по-настоящему любил великую русскую литературу, жадно утоляя всегда томивший его духовный голод.

Поэта волновало все - и прошлое, и будущее. Когда в стране царил всеобщее молчание, негодовал, протестовал своими стихами.

Он пил русские и свои слезы, страдая, что рухнула великая страна — труженица, что соиздатели поэтического слова оказались на обочине жизни, что «классическая лира стала вовсе не нужна». «Я с трудом тащу из грязи Душу, словно сапоги», — пишет Николай.

Вместе с Россией рушилась и его жизнь. Н. Поснов не щадил себя, не щадили его и другие... Семь последних лет он боролся за жизнь с изнуряющей и пока не излечимой болезнью, продолжая писать, не сетуя на обреченность, не жалуясь на боль. Николай был человеком широкой души, ему необходима была воля вольная да широкий простор. Обстоятельства же терзали его тонкую и ранимую душу. Поэт искренне и преданно любил

Родину, гордо называл себя россом. О чем бы он ни писал — это жизнеутверждение. И трагичное у него — патриотично. «У поэта должен быть напор. Если угодно, крик души. Надо суметь достучаться до сердца народа, чтобы он сказал свое слово», — убежденно сказал Николай Иванович в одном из интервью.

Ему был дан поэтический дар, быть может, для того, чтобы родниковыми строками, росистостью слов своих омыть души людские, побуждая их жить светлостью. Ему удается создать и подарить читателю настроение, что под силу немногим. Его стихи становятся песнями...

Особое место в творчестве занимают исторические поэмы, патриотическая лирика. В 2001 году Николаю Поснову была присуждена Международная премия Константина Симонова с вручением Золотой медали, а в 2004-м он был награжден юбилейной медалью М. Шолохова «За гуманизм и служение России». Н. Поснов был делегатом IX съезда писателей СССР. Награжден Почетной грамотой Союза писателей СССР. Он всегда был душой любого общества.

«Быстрый в движениях, я бы сказал, стремительный, он буквально с первых же минут увлекал собеседника своим живым темпераментом, оригинальностью суждений. А как читал! Даже самые рядовые вирши в его исполнении казались гениальными,» — вспоминает Михаил Атаманенко.

— Н. Поснов катил по дороге жизни колесо своей судьбы и заплатил по ее счетам сполна - добрыми стихами. Ты сыграл-таки вничью со смертью, летословец Коля-Колокольчик!.. Твой поэтический голос не затих... Мы слышим его и помним. (Б. Петров, действительный член Российской Академии наук). Так уж принято, что поэт определяет произведения для сборника избранных стихов. Николаю не посчастливилось это сделать, хотя в нем жила потаенная мечта успеть перелистать странички, пахнувшие свежей типографской краской.

За него это сделали друзья, издав книгу избранных произведений «Прости — прощай». Далеко не все стихи, написанные Николаем, увидели свет. Да и сам он ушел из жизни в период творческого расцвета.

«Странички прозы Поснова очаровали меня чистым языком, точным взглядом, какой-то разлитой между строк теплой эпической душевностью», — пишет в предисловии к книге «Прости — прощай» Станислав Куняев. — Конечно, в Москве мы его знали, конечно, читали, конечно, иногда печатали, но полностью не оценили, не поняли, не дочитали...».

// Поснов, Н. Колокольчик синеокий : Стихи / Н. Поснов. – Брянск, 2007. – С.3 – 5.

Николай Поснов

Хотя он, сын фронтовика, который потом стал учителем, по паспорту орловский (родился 1 января 1946 года в деревне Изморонь), Николая можно смело считать брянцем. После службы в армии переехал в Карачев и работал в редакции газеты «Заря», потом на брянском телевидении. Был старшим редактором Приокского книжного издательства.

Первая большая подборка стихов «И верю вновь...» опубликована в коллективном сборнике «По первопутку», затем был сборник «Вдохновенье». В начале восьмидесятых в

Туте вышли книги «Предчувствие», «И слышу голоса...», в московском издательстве «Молодая Гвардия» — «Гроздь». В новых книгах «Синие холмы», «Червленый щит» лирика на редкость органично переплетается с некрикливой гражданственностью. А в последней (имею в виду очередность) книге лирики «О любви и о печали...» как бы сквозит акварельная грусть осеннего дня...

Несколько лет Николай стоял у руля областной писательской организации, был даже избран в секретариат правления Союза писателей. Возглавляет издательское товарищество «Дебрянск», которое выпустило несколько книг, редактором-составителем некоторых из них довелось быть и мне.

Сейчас Николай завершает работу над солидной книгой «Брянщина, век XX». Она вобрала в себя самые разные стороны жизни области. Работа, не побоюсь этого слова, адская.

// Новицкий, А. Коммуналка – 2 : Что-то вроде мемуаров : сб. стихов
/ А. Новицкий. – Брянск, 2002. – С.155.

«О любви и о печали»

Поэт Николай Поснов - автор нескольких талантливых поэтических сборников, член Союза Писателей, живет и работает в Брянске. В его книге «О любви и о печали» - острое чувство Родины, сопричастности ее историческому прошлому. Автор глубоко чувствует природу, его лирику отличает философичность. Щемящая тоска по русской деревне заставляет вернуться, к любимым строчкам. В книге Николая Поснова много стихотворений о любви - чистых, печальных, нежных...

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Травы дикие в поле не смяты,
А закат червенеет, как щит.
Над холмами же тень Коловрата
От Чернигова птицей летит.

Там, где тучи темнеют крутые,
Где лесов голубеет гряда,
Роковые туманы Батя
По Рязанщине жгут города.

Там у каждого дома — распяты.
Женский крик обрывают клинки...
И летят туда вслед за Ипатьем
Русских княжеств, щетинясь, полки.

Горный ветер горчит, что крушина,
На тревоге замешан поход.
От Вщижа выступает дружина,
И от Брянска дружина идет...

По холмам на закате осеннем
Сотни трудных и праведных лет
Все летят и летят эти тени,
А над ними — немеркнущий свет...

// Поснов, Н. О любви и о печали / Н. Поснов. –
М. : Современ. писатель, 1996. – С.16.

Николай Поснов

Душа обливается кровью...

Стихи Николая ПОСНОВА широко известны в нашем регионе. Они пронизаны нежностью, болью души, воспринимающей окружающий мир и происходящее в нем чутко и тревожно. Стихи предельно откровенны и потому, наверное, не оставляют читателей равнодушными.

Немалое место в творчестве Николая Поснова занимает история Родины, воспринятая глазами современника. Нашему читателю известны поэмы Н. Поснова "Летословцы", "Княгиня Ольга или взятие Искоростеня", "Роман Брянский", "...И слышу голоса", о которых положительно отзывается нынешняя критика.

В 1992 г. в Приокском книжном издательстве выходит новая книга стихов и поэм Николая Поснова "Червлёный щит". В ней поэт остается верен себе и своей теме. Напомним, что Николай Поснов член Союза писателей СССР, автор книг "Предчувствие", "...И слышу голоса", "Гроздь", "Синие холмы" и др.

АНГЕЛ

У каждого человека есть свой ангел. Поговорка

Томит постоянно и точит
Тревога неясная грудь.
И в долгие темны; ночи
Никак одному не уснуть.

Последние полночи ближе,
Уж ветер сквозит низовой.
Мой ангел, мой ангел,
приди же,
Побудь хоть немного со
мной.

Душа обливается кровью,
Устав от обид и от лжи, —
Приди к моему изголовью
И руку на лоб положи.

Сияй, словно лик на иконе,
Готовь меня к жизни иной,
Чтоб ясен был, чист и спокоен
Оставшийся путь мой земной...

// Литера: лит.-худож. и рекл.-информ. альманах
/ гл. ред. Н.И. Поснов. – Брянск: Издат. товарищество «Дебрянск»,
1992. – С. 25 – 28.

Синие холмы

История, воспринятая глазами современника, и современность, овеянная историей, сливаются воедино в книге «Синие холмы». Строки стихов наполнены любовью к родной стороне, ее природе, ее прошлому и будущему. С болью и откровением раскрывает поэт свой личный мир, свое отношение к женщине.

ПОСЕЛОК МАРС

Вдали от районного центра,
От гулких стремительных трасс
Распахнут и звездам и ветру
Поселок по имени Марс.

Он весь — и любовь и вниманье
В зеленой своей тишине.
Откуда такое названье
В российской моей стороне?

Какою мечтою согреты
Прапрадеды были, когда
Давали название это,
Летящее вдаль сквозь года?

О чем они думали, любы,
Когда над обрывом реки
Рубили сосновые срубы,
Взвивали под небо коньки?

Все тихо. Ни звука, ни слова.
Да кто мне ответит сейчас?
Березово светит поселок
С таинственным именем — Марс.

Улыбчиво, ласково светит,
Надежду и веру храня.
И, может быть, именем этим
Далекой зовущей планете
Негромкий поселок родня...

ДЕСНА

Обрывистый спекшийся берег,
Налитая звоном сосна.
Теряется в мареве белом
В крутом повороте Десна.
Течет она, прошлому внемля,
Как былям седой старины.
Славянские древние земли
Водами ее вспоены.
В веках ее светится слава,
А имя — в скрижалях страны.
Здесь плыли челны Святослава,
Качались Романа челны,
Крепилось дружинное братство,
Червленно горели щиты
На юной заре государства,
У самой начальной черты.

Спокойна в себе, величава,
Негромкая эта река
Течет сквозь луга и дубравы,
Сквозь годы течет и века.
Над нею эпоха иная
Горит, словно утро в росе,
Над ней поезда пролетают
И синие ленты шоссе.
Истории память живая,
Течет, словно вечность, она
И вечною нитью сшивает
В единое все времена.

ВЫСОКИЕ СЛОВА

Есть в нашем словесном богатстве
Высокого ряда слова:
Отечество,
Мужество,
Братство, -

Светлеет от них голова.
Мы в сердце их трепетно носим
И с чувством особым храним.
Несуетно их произносим,
Не часто мы их говорим.

На жизнь,
На любовь,
На бессмертье
Они утверждают права,
Высокие истинно эти
И гордые эти слова.

Не смыть их из вечных скрижалей,
Године лихой не известь.

Есть
Верность,
Есть
Совесть,
Держава.
А есть еще
Родина, Честь.
Наполнены правдой и высью,
Их вечно народу беречь,
Слова, без которых не мыслю
Родную российскую речь.

// Поснов, Н. Синие холмы : Стихи и поэмы / Н. Поснов.
– Тула : Приок. кн. изд – во, 1988.

«... И слышу голоса»

Об авторе книги «... И слышу голоса», выпускнике Литературного института Николае Поснове, известный советский критик В.В. Дементьев сказал, что он наделен несомненным лирическим даром, который позволяет ему видеть Родину в каком-то особенном, смягченном грустью и нежностью, освещении.

Прошлое и настоящее, старое и новое, социальное и личное образуют в стихах Николая Поснова особый художественный узор.

ЛЕН

Голубым-голубой, нежно-нежный,
Словно утренний выдох небес,
Широко, далеко и безбрежно
Колоколится льняной навес.

Синим отсветом поле омыто.

Лен цветет.

С замираньем дыша,
Я на поле гляжу, что раскрыто,
Словно русская наша душа.

// Поснов, Н. ... И слышу голоса : Стихи. Поэмы
/ Н. Поснов. – Тула : Приок. кн. изд – во, 1984.

Ни улыбки, ни привета
На закате моих лет.
Мало, мало в мире света,
На душе — и вовсе нет.

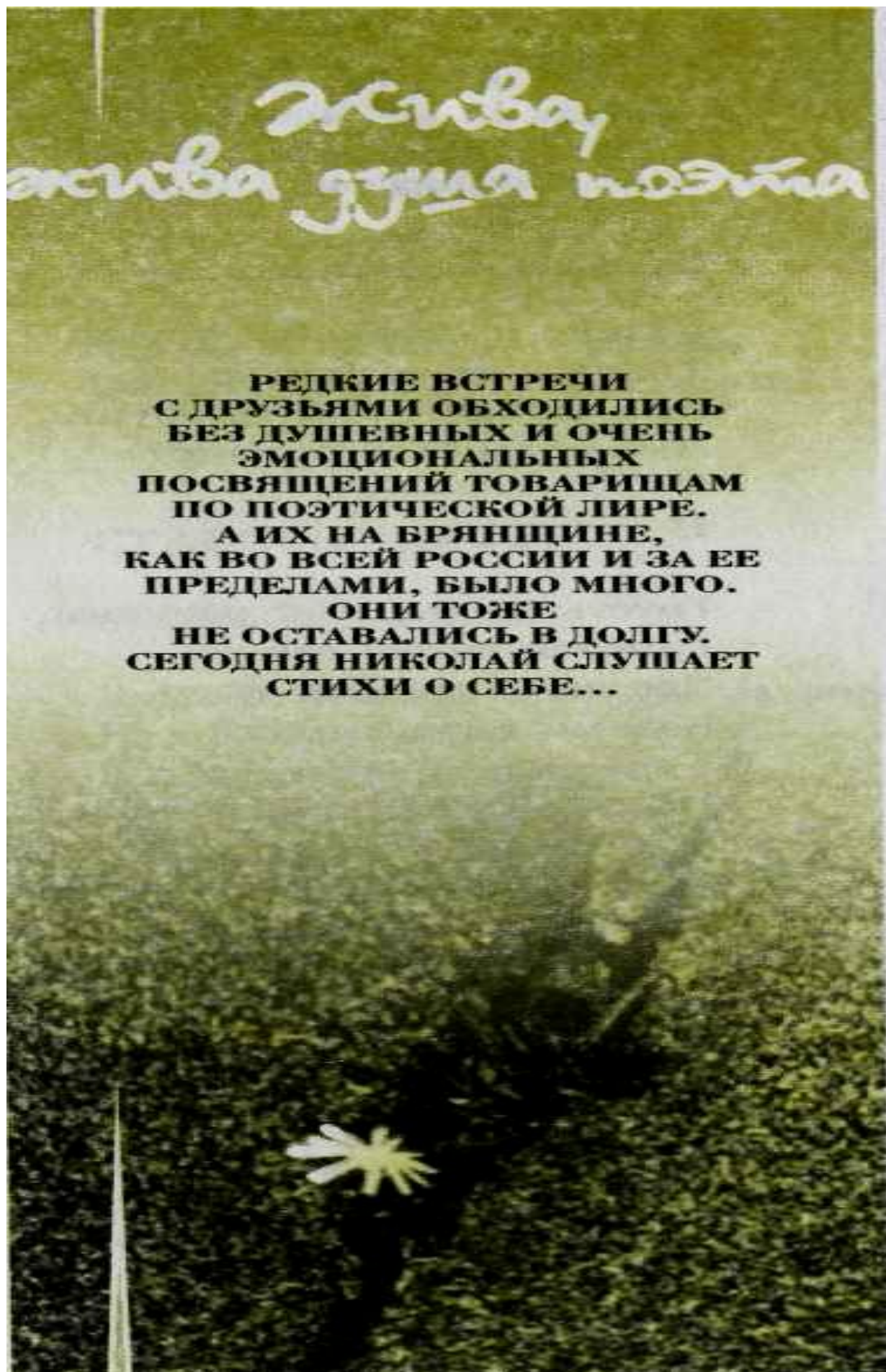
По дороге безобразий —
Уклониться не моги —
Я с трудом тащу из грязи
Душу, будто сапоги.

И в моей земной юдоли
Этот путь совсем не прост:
Справа — церковь, слева — поле,
Прямо видится погост.

Вечер. Дождь. Мутна дорога.
Расплывается мой след...
Ну еще, еще немного,
Может, выберусь на свет!..

// Поснов, Н. Ни улыбки, ни привета / Н. Поснов
// Наш современник. - 2002. - № 7. – С. 182. –
(Тютчевская земля: Мозаика поэтов Брянщины).

Николаю Поснову посвящается

**РЕДКИЕ ВСТРЕЧИ
С ДРУЗЬЯМИ ОБХОДИЛИСЬ
БЕЗ ДУШЕВНЫХ И ОЧЕНЬ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
ПОСВЯЩЕНИЙ ТОВАРИЩАМ
ПО ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИРЕ.
А ИХ НА БРЯНЩИНЕ,
КАК ВО ВСЕЙ РОССИИ И ЗА ЕЕ
ПРЕДЕЛАМИ, БЫЛО МНОГО.
ОНИ ТОЖЕ
НЕ ОСТАВАЛИСЬ В ДОЛГУ.
СЕГОДНЯ НИКОЛАЙ СЛУШАЕТ
СТИХИ О СЕБЕ...**

В ПЫЛУ ПОЛЕМИКИ

Николаю Поснову

I

Какие беды с ног меня сбивали!
Я падал, как на ринге. Не кричали.
Канаты колыхались на весу.
По грудь - цветы.
И с гор летели реки.
Дороги вдаль неслись, летели снега.
Я постигал
Земли моей красу.

Ах, как бросало... Берега Камчатки.
Вулканы там светлы, необычайны.
Жерло, как реактивное сопло.
Летать учились грубо мы, подлётки
(А вы мне позавидуйте, погодки) —
А мне сто бед осилить повезло!

II

Прощай, ребята!
Ах, не долги сборы...
А вот Кавказа грозовые горы
И город Грозный.
Что кинжала срез.
А мы не назначали себе миссий.
А нас крутили
ритмы медкомиссий
И классы
Школы лётной –
ВВС.
Летели дни в жаре сгорая, ночи
Не нянчились со мною, скажем, очень
И мы вообще-то были не тихи.
Под звёздами
курсантские палатки,
А ночью я писал стихи в тетрадки,
Не зная,
что получатся стихи.

Случалось, что не все так получалось
Как хочется. Такое приключалось
Как в тупике —
на финку сгоряча!
Но просто я любил мою Россию.
Она перелила свою мне силу.
Давала мощь державного плеча.

III

Как вкусен хлеб...
Обычный самый чёрствый

И дух земли
весенней, чистой, чёрной,
И голос птицы в роще - на юру.
Слова, как зори росяные были,
Когда любимые их тихо говорили.
О, как я их
За всё
Благодарю!

IV

России сила - в небе синем, синем.
Просёлки полевой моей России.
Зайдешь в хлеба
Июньские по грудь.
Свет полустанка в золотистой рани.
Бинты берёз
бинтуют твои раны
И нет обид, да и не в них ведь суть.

России пульс... Его удары-грозы.
Но прислонюсь виском
к стволу берёзы
И слышу мне листва ее шумит:
Слова земные, ну совсем простые,
Согретые под сердцем у России...
Кого же мне за них благодарить?

За гвалт и шторм трагической эпохи,
За аварийный век
Судеб жестоких -
Благодарю, что не сгорел в огне.
Торчу опять
на сумасбродной вахте.
Ругнёт иной — «задиристый характер!»
Всё от России —
Горе.
Радость.
Гнев.

// Буряченко, А. Засадный полк : Стихи / А. Буряченко.
– Клинцы, 2003. – С.53 – 55.

ЛИКУЕТ АВГУСТ...

Неужто не вернется благодать
Из дальнего, как вздох зари, предела,
Куда она — и где ее искать? —
От моего порога улетела?
Ликует август утрешним дождем,
Аукаются яблони и груши,
Юлою тучи кружат над селом,

Подыскивая место, где посуше.
Открытая отчаянным ветрам,
Стоит березка, прижимая платье.
Наверно, точно так же, как я сам,
Она тоскует тож о благодати.
Вернется ли когда-нибудь она?
Увидим ли? Услышим ли? Узна...

// Новицкий, А. Коммуналка – 2 : Что-то вроде мемуаров : сб. стихов
/ А. Новицкий. – Брянск, 2002. – С.155.

Николаю Поснову

Брожу по улочке недлинной,
где тишь немятая кругом,
где стариною нафталиновой
забыто пахнет каждый дом.
Среди громов, среди металла,
среди рассеянных огней
она случайно затерялась
со всей наивностью своей:
с двором, сиренью заметным,
с косым забором меж домов,
где всякий звук настороженно
радары ловят лопухов.
С дворами тихими. Аллеей.
С калиткой кованой. С крыльцом.
Здесь, кроме номера, имеет
дом каждый и свое лицо.
И не могу я торопиться —
на поводу у скоростей,—
хочу взглядеться в эти лица,
как в лица добрые друзей.

// Атаманенко, М. Живу на верхнем этаже : Стихи / М. Атаманенко.
– Тула : Приок. кн. изд – во, 1990. – С.38.

В МЕТЕЛЬ

Н. Поснову

Ночью на сене в сенях
Мне и не снится
метель.
Весь клеверами пропах,
Словно мохнатый шмель.
Тычутся в уши и внос
Листья травинок, шурша;
Запахи высохших рос
Ловит в потемках душа.
Утром спешу за порог,

От белизны — без ума:
Целый ромашковый стог
За ночь сложила зима!..
Весь клеверами пропах,—
 Будто бы сам я
 расцвел.
И не отбиться никак
Мне от снежинок-пчел.

// Денисов, Н. Соловьиная верность : Стихи / Н. Денисов.
– Тула : Приок. кн. изд – во, 1989. – С.31.

ЯЗЫЧНИКИ

Николаю Поснову

Огню вы поклонялись, не кресту.
Бежали прочь испуганные звери,—
 вы на костров взвитую красоту
 в упор очами синими смотрели.
Не знак огня — неистовый огонь
славянской силе был всегда порукой...
 И гладила шершавая ладонь
 и плуг,
 и меч,
 и волосы подруги.
Шумела дико вековая глушь,
но как бы ни давил вас крест жестоко,
огня не вытравил из ваших душ,—
огонь взлетел далеко и высоко!

// Козырев, В. Свет трех огней : Кн. лирики / В. Козырев.
– Тула : Приок. кн. изд – во, 1982. – С.12.

Ничего напускного,
Никакой шелухи –
Николая Посноза
Заводные стихи.

Без единого звука
В безвозвратную даль
Отойдут и разлука,
И любимой печаль.

Отойдут неторопко
У друзей на виду
Сиротливая тропка
И скамейка в саду.

Сорок дней поминая,
Запечалится пусть

Бесконечно родная
Справедливая Русь.

Повсеместно рассветы
Тихо росы прольют...
Почему же поэты
Столь недолго живут?

Ни фальшивого слова,
Ни словесной трухи –
Николая Поснова
Проливные стихи.

Селезнёв, В. «Ничего напускного...» / В. Селезнёв
// Литературный Брянск. – 2006. - № 2. – С. 222.

ЗИМОЙ

Н. Поснову

Ночью
На сене в сенях
Мне
И не снится метель.
Весь
Клеверами пропах,
Будто
Мохнатый шмель.
Тычутся
В уши и в нос
Листья травинок
Шурша;
Запахи высохших рос
Ловит в потемках
Душа.
Утром
Спешу за порог.
От белизны — без ума:
Целый
Ромашковый стог
За ночь
Сложила зима...
Весь
Клеверами пропах,
Будто бы
Сам я расцвел.
И не отбиться никак
Мне
От снежинок-пчел.

// Денисов, Н. Три капли солнца : Стихи / Н. Денисов.
– Тула : Приок. кн. изд – во, 1983. – С.26 – 27.

